

Трула
ТеуМАТЪ

ФУЛ ТЕЙМАТЪ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
СОЗДАНИЯ

АСТ
Москва

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4 Вел)-44
Ф22

Neil Gaiman
UNNATURAL CREATURES

Печатается с разрешения автора при содействии
литературных агентств
Writers House LLC и *Synopsis Literary Agency*.

Художественное оформление *Василия Половцева*
Иллюстрации *Брайани Морфью-Криббс*

Ф22 **Фантастические** создания: [антология: пер с англ.] /
сост. Нил Гейман, Мария Дэвана Хэдли. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2018. — 512 с.

ISBN 978-5-17-106476-1 (Мастера магического реализма)

ISBN 978-5-17-106498-3 (Эксклюзив Миллениум)

Признанный сказочник Нил Гейман собрал в новой антологии
лучшие рассказы мастеров жанра фэнтези: Питера С. Бигла, Энто-
ни Бучера, Сэмюэла Дилэни, Ларри Нивена и других.

Шестнадцать историй — шестнадцать существ. Удивительных,
странных, причудливых... Одни вызовут восторг, трепет, другие —
страх, а может быть, ужас. Хорошо, что все они существуют только
в человеческом сознании. Или нет?..

УДК 821.111-312.2

ББК 84(4 Вел)-44

Unnatural Creatures — Stories Selected — Collection
Copyright © Neil Gaiman, 2013

© М. Тогобецкая, перевод на русский язык

© С. Силакова, перевод на русский язык

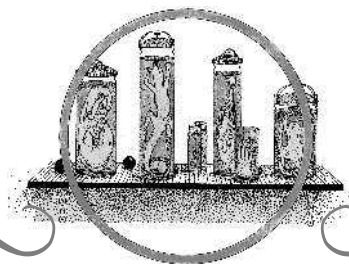
© А. Аракелов, перевод на русский язык

© С. Ильин, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Посвящается Снежному человеку, путешественникам
во времени, пиратам, роботам, нудным товарищам
(которые явно не являются секретными агентами
в скучнейшей маскировке),
людям в космических ракетах и нашим матерям.

Н.Г.

ВСТУПЛЕНИЕ

КОГДА Я БЫЛ МАЛЬЧИШКОЙ, лучшее место на земле находилось в Лондоне, в нескольких шагах от станции Южный Кенсингтон.

Это было нарядное здание из разноцветных кирпичей, крышу его — только представьте! — украшали горгульи: птеродактили и саблезубые тигры. В холле стоял скелет тираннозавра, а за пыльным стеклом витрины — чучело птицы додо, ископаемого дронта. В бутылках хранились существа, выглядевшие совершенно как живые, а в стеклянных ящиках — не живые, отсортированные и каталогизированные, припиленные к картонке булавкой. Называлось это место Музеем естественной истории. В этом же здании располагался Геологический музей со всеми своими метеоритами, алмазами и другими странными и восхитительными минералами, а прямо за углом — Музей науки, где можно было проверить свой слух и насладиться осознанием того, насколько лучше взрослых ты слышишь.

Определенно, это было лучшее место на земле! В Музее естественной истории, по моему убеждению, не хватало лишь одного экспоната — единорога.

Точнее двух — единорога и дракона. И еще вервольфов — непонятно, почему в Музее естественной истории их обошли вниманием? Я так хотел узнать о вервольфах побольше!

Кроме того, в витринах не имелось ни одного вампира в роскошных одеждах, хотя летучие мыши-вампиры были представлены. И совсем не было русалок, ни одной — я проверял! Грифоны и мантикоры тоже отсутствовали.

Тот факт, что на выставке не было феникса, меня не удивлял. Я знал, что в данный момент на свете может существовать лишь один феникс — разумеется, живой, а Музей естественной истории заполнен мертвыми существами. Откуда же здесь было взяться фениксу, сами посудите?

Огромные окаменевшие скелеты динозавров и пыльные странные животные в стеклянных витринах, не очень похожие на настоящих, мне нравились.

Правда, по-настоящему я любил живых зверушек, дышащих, теплых и желательно диких. Тех, что прыгали, ползали или просто слонялись по моей реальной жизни. Я всегда радовался встрече с ежиком, змеей, барсуком или маленькими лягушатами, которые каждую весну в один прекрасный день выбирались из пруда через дорогу, и тогда наш сад, казалось, тоже становился живым, наполняясь непрерывной суетой.

Но больше других меня привлекали животные, само существование которых было загадкой, сумеречной

тайной: то ли они были на самом деле, то ли нет, и от одной только мысли об этом мир делался волшебным.

Я любил чудовищ.

Огден Нэш, мудрый американский поэт, говорил: «Где чудовище — там чудо».

И я мечтал попасть в Музей сверхъестественной истории.

Мечтал — и в то же время радовался, что его нет.

Вервольфы были чудесны потому, что могли оказаться чем угодно. Если бы кто-то на самом деле поймал вервольфа или дракона, приручил мантикору или загнал в стойло единорога, засунул их в банки, провел вскрытие, — они стали бы реальны, осязаемы и не смогли бы уже жить в туманных местах на границе между явью и миром грез, страной невозможного — единственным местом, по-настоящему имевшим значение.

Такого музея не было.

Тогда — не было.

Но я знал, как и где найти существ, которых бесполезно было искать в зоопарках, музеях или лесах. Они ждали меня в книгах и рассказах, они прятались в буквах алфавита и знаках препинания. Достаточно было расставить их в верном порядке — и из букв складывались слова, из слов возникали образы всевозможных экзотических чудищ и таинственных незнакомцев. Буквы сплетались в заклинания, которые творили небывалые миры, извлекали из небытия фантастических существ и открывали мне помыслы насекомых, и кошек, и прочих животных.

Связь между животными и словами уходит глубоко в прошлое — например, буква А когда-то была рисунком, изображавшим перевернутую голову бы-

ка. Две ножки, на которых стоит А, это его рога, а острая верхушка — нос и морда.

Книга, которую вы держите в руках, населена вервольфами и полна сундуков, хранящих удивительные тайны. Живые и очень опасные чернильные пятна соседствуют здесь с четвероногими чудовищами, змеябогами, солнечными птицами, единорогами, русалками и даже с Ее Величеством Смертью. Эта книга возникла для того, чтобы современный Музей сверхъестественной истории развивался и рос.

Да, Музей сверхъестественной истории существует на самом деле — и вы можете побывать в нем. Его создала одна загадочная и таинственная организация, которая в свое время представила публике «Пиратские магазины» и «Магазины товаров для супергероев», а заодно занимается пропагандой грамотности, курирует целый ряд образовательных программ для детей, предоставляет школьникам место, где они могут делать уроки, и, разумеется, проводит всевозможные семинары и мастер-классы.

Одним словом, купив эту книгу, вы поддерживаете движение «826» — и я вам за это благодарен. И Дэйв Эггерс, соучредитель «826», тоже вам благодарен. И дети, которые участвуют в программах «826», тоже испытывают к вам благодарность. И даже, быть может, кто-то из грифонов или русалок (которые пока что, насколько нам известно, в музее не представлены) тоже скажут вам спасибо, хотя, разумеется, в этом — как и во многом другом — полной уверенности у нас быть не может.

Нил Гейман
Сентябрь 2012 г.

P.S.

Предисловие не должно превращаться в список тех, кому автор выражает благодарность. Очень многие люди тратили свое драгоценное время и дарили свои истории, чтобы эта книга стала возможной, и я благодарен им всем — всем авторам этого сборника и всем-всем, кто так или иначе участвовал в его создании.

Но все-таки я хочу сказать несколько слов о своем соиздателе — Марии Дэвана Хэдли. Она достойна того, чтобы поблагодарить ее отдельно. Мария не только блестящий писатель — она еще и прекрасный организатор, и только ее усилиями наш сборник вышел в срок и в полном составе. Спасибо тебе, Мария.

Гаан Уилсон – художник-карикатурист. От его рисунков у меня мороз по коже. Иногда он сочиняет рассказы. Объединив средства литературы и графики в этом рассказе (название которого совершенно невозможно выговорить, а почему – вы очень скоро поймете), Гаан показал нам воистину немислимое существо.

Однажды утром на скатерти, между тарелкой с тостами и подставкой с вареным яйцом, появилось темное пятно. Откуда оно взялось? Никто не знает. Известно только одно: стоит отвести взгляд от пятна, как оно перебирается на другое место. И в процессе передвижения постепенно растет...

Гаан Уилсон

КОГДА РЕДЖИНАЛЬД АРЧЕР УВИДЕЛ ЕГО ВПЕРВЫЕ, оно было очень простым. Никаких замысловатостей и причуд. Ни малейшего намека на украшательство, даже самого отдаленного и смутного. Выглядело оно так:

Пятно. И больше ничего. Черное, как видите; чуть кривоватое; неказистое, незатейливое пятнышко.

Располагалось оно на ослепительно белой льняной скатерти, на столе, где был сервирован завтрак, в трех с половиной дюймах от подставки для яйца.

Реджинальд Арчер заметил пятно в тот самый момент, когда начал было чистить яйцо.

Его рука замерла, брови сдвинулись. Реджинальд Арчер был холост. Всю жизнь — а было ему сорок три года — он прожил один и любил, чтобы в доме во всем был непреложный порядок. И такие мелочи, как черные пятнышки на столовом белье, сильно раздражали его — пожалуй, даже сверх разумного. Арчер позвонил в колокольчик, призывая Фолкса, своего дворецкого.

Почтенный Фолкс вошел и, заметив, что хозяин мрачнее тучи, осторожно приблизился к нему. Дворецкий откашлялся, склонил голову ровно настолько, насколько диктовали приличия, и, взглянув туда, куда указывал тонкий бледный палец хозяина, тоже узрел пятно.

— Откуда *это* взялось? — спросил Арчер.

Фолкс ненадолго погрузился в глубокую задумчивость, а затем признал, что понятия не имеет, как могло это пятно попасть на скатерть, рассыпался в извинениях и поклялся удалить пятно незамедлительно и навечно. Арчер встал, так и не притронувшись к яйцу в подставке (аппетит у него совсем пропал), и покинул столовую.

По заведенному обычаю, Арчер каждое утро заворачивался в своем кабинете и уделял время мелким хлопотам: просмотру накопившейся корреспонденции и финансовым делам. К этому занятию, как и ко всему остальному, он относился щепетильно, превращая его в ритуал: во всем надлежало соблюдать железный распорядок. Итак, он уселся за свой письменный стол — великолепное сооружение из отполированного красного дерева — и потянулся к аккуратной стопке писем, но тут на листе зеленой промокательной бумаги, которым была застлана вся крышка стола, увидел:

Он побледнел (я не преувеличиваю), снова вызвал дворецкого и был вынужден ждать дольше обычного, прежде чем верный Фолкс наконец явился. На лице дворецкого читалось откровенное смятение.

— Это пятно, сэр... — начал Фолкс, но Арчер прервал его.

— К черту пятно, — рявкнул он, указывая на промокательную бумагу и объект своего возмущения. — *Это* что такое?

Фолкс озадаченно уставился на новое пятно.

— Не знаю, сэр, — сказал он. — Я никогда не видел ничего подобного.

— Я тоже, — процедил Арчер. — И больше никогда не желаю видеть. Убрать!

Фолкс начал осторожно вынимать уголки листа из кожаных креплений на краях столешницы. Арчер раздраженно следил за ним ледяным взглядом. И только теперь обратил внимание на крайне странную гримасу старика. В голове всплыла фраза, которую Фолкс не успел закончить.

— Что вы пытались мне сказать? — спросил он.

Дворецкий поднял глаза, стушевался, не решаясь заговорить. Но все же произнес:

— Это насчет пятна, сэр. Того, что на скатерти. Когда вы ушли, я пошел на него посмотреть, сэр... и... никак в толк не возьму, сэр... оно пропало!

— Пропало? — переспросил Арчер.

— Пропало, сэр.

Фолкс покосился на бумагу, которую за это время успел снять со стола, и ахнул.

— Так же как *это*, сэр! — выпалил он. И, перевернув лист, продемонстрировал, что на его девственно чистой поверхности не осталось даже следа. Арчер начал понимать, что в его доме творится что-то